

Предисловие

С 1306 года, когда он впервые заявил свои права, потеснив, казалось бы, непобедимого врага, Роберт Брюс* готовился к решающей битве с Англией, которая либо узаконит его власть и укрепит место на шотландском троне, либо сорвет корону с его головы и Англия вернет власть над Шотландией.

К концу осени 1313 года король Роберт чувствует себя достаточно уверенно и безопасно и подталкивает врага к вынужденным действиям. Он объявляет о том, что лишит наследства всех шотландских дворян, лояльных к англичанам, если они не присягнут ему на верность в течение года. Король Англии Эдуард II** не может оставить подобную угрозу без внимания. В декабре 1313 года он издает собственное обращение, в котором призывает своих сторонников собраться в Берике-апон-Туиде в июне 1314 года, чтобы двинуться на Шотландию.

Англичане собираются выступить в поход, и Брюс намерен к этому подготовиться. В решающие первые месяцы 1314 года король ведет упреждающие боевые действия, продолжая совершать набеги на Англию, чтобы накопить средства на ведение весьма затратной войны, и отвоевывает оставшиеся шотландские замки, все еще находящиеся во владении у англичан. Возвращение двух

* Король Шотландии, один из величайших шотландских монархов, основатель королевской династии Брюсов. — *Здесь и далее прим. перев.*

** Король Англии, первый в истории принц Уэльский. Продолжил войну с Робертом Брюсом в Шотландии, начатую его отцом Эдуардом I.

4 из этих замков — Эдинбурга и Роксбурга — станет настоящей легендой и сделает героями двух прославленных лейтенантов Брюса — Джеймса Дугласа и Томаса Рэндольфа.

Но они сделают это не одни. Элитный отряд Хайлендской гвардии и человек скромного происхождения станут решающей силой в последнем рывке перед наиболее важной битвой.

Пролог

*Замок Дуглас, Южный Ланаркшир, Шотландия
1 июня 1296 года*

Томас Макгован — Крошка Том, как его все прозвали в деревне, а его отца называли Большим Томом — взглянул на вершину башни, и у него перехватило дыхание. Мальчик едва не споткнулся, что непременно обернулось бы настоящей катастрофой, поскольку отец поручил ему весьма ответственное задание — нести меч лорда. Отец потратил множество часов на то, чтобы заточить лезвие, придав мечу способность «рассекать волосок надвое», и отполировать его так, чтобы в нем могло «отразиться даже крошечное пятнышко сажи на лице его маленького сына». Так что урони Крошка Том меч в грязь — и его зад будет гореть целую неделю, ведь он непременно схлопочет от отца за свой промах.

Впрочем, Том не сильно возражал. Большой Том считался лучшим кузнецом в округе и за ее пределами, и по сему Томми (как ласково называла мать своего сынишку, твердо уверенного в том, что мальчика почти девяти лет никак нельзя считать «крошкой») страшно гордился работой отца. Большой Том Макгован был не просто каким-то деревенским мастером, а личным кузнецом и оружейником самого лорда Уильяма Дугласа Смелого.*

Продолжая таращиться на крепостные стены, Томми уже готов был простить себя за собственную оплошность. Ибо нечто совершенно удивительное лишило его способности дышать и двигаться. Редкая изысканная красавица,

* Шотландский военачальник.

6 какую мальчик, выросший в кузнице отца, среди жара и сажи, не мог себе и представить. Он словно впервые увидел бриллиант, затерявшийся среди многочисленных кусков руды, с которыми ему приходилось иметь дело с самого детства. Чтобы понять, что он увидел нечто совершенное, не нужно было знать имя незнакомки. Особенным было в ней все: и солнечный свет, играющий в развевающихся на ветру белокурых локонах, и белоснежное совершенство миниатюрного личика, и отливающая золотом ткань платья. Все это ослепляло его. *Она ослепляла его.*

— Это принцесса? — с благоговением спросил Томми, когда к нему вернулся дар речи.

Добродушно расхохотавшись, отец любовно хлопнул сынишку по затылку.

— Для тебя, пожалуй, дружок. Это дочурка его светлости леди Элизабет. Разве ты не помнишь? — Кузнец покачал головой. — Ты был слишком мал, когда семья его светлости переехала в замок Берик четыре года назад. Была совсем крохой. Но теперь, когда его светлость наконец освободили из тюрьмы короля Эдуарда... — кузнец сплюнул, как поступал всякий раз при упоминании английского короля, — она и ее братья вернулись вместе с отцом и леди Элеонорой в наши края.

Томми знал, что сэр Уильям исполнял обязанности хранителя замка Берик, когда король Эдуард напал на город и погибло несколько тысяч шотландцев. За попытку удержать оборону замка и оказать сопротивление король Эдуард бросил лорда за решетку, но потом освободил, когда того, равно как и остальных шотландских лордов, заставили поставить свои подписи в так называемых «Рагманских свитках»*, таким образом дав клятву верности королю Англии Эдуарду Длинноному.

* Общее название для нескольких исторических документов, в которых шотландское дворянство приносило клятву королю Англии Эдуарду Длинноному в 1291 и 1296 годах.

При мысли о том, что столь прекрасное существо будет жить по соседству, глаза Томми округлились еще больше.

Может, его отец и был самым крупным мужчиной в деревне, с твердыми, точно камень мускулами, зарабатывающим на жизнь ковкой стали, но ума ему было не занимать. Он продолжал улыбаться, однако его темно-голубые глаза предостерегающе прищурились.

— Дерись от нее подальше, парень. Эта крошка не для таких, как ты. Хоть твоя матушка и дочь рыцаря, но ты — сын кузнеца, и благородства в тебе не больше, чем в крыше этой башни. Может, тебе и нравится лазить по скалам вокруг замка, но так высоко тебе все равно не забраться.

Кузнец рассмеялся собственной шутке и подтолкнул мальчика вперед.

Однако слова отца Томми не убедили. Ведь никто в округе не умел карабкаться по скалам и лазить по деревьям лучше его.

* * *

*День летнего солнцестояния**

— Почему ты плачешь?

Девичий голос застал его врасплох. Томми поднял голову и отчаянно заморгал, заслонив глаза рукой от слепящих лучей солнца, выглянувшего из-за темных туч.

Перед ним стояла маленькая принцесса, которую он увидел в башне замка несколько недель назад. Леди Элизабет.

— Я не плачу! — Он зло потер глаза тыльной стороной ладони, и его лицо густо залилось краской стыда.

Она с минуту смотрела на него своими большими пронзительно-голубыми глазами. Присмотревшись ближе,

* 24 июня — один из главных праздников англиканской церкви.

8 Томми заметил, что ее черты оказались более совершенными, чем показалось на первый взгляд, а напоминающее форму сердца лицо — более изящным и очаровательным. Две толстые косы были уложены на голове девочки на манер короны и перевязаны розовыми лентами в тон платью. До этого момента Томми ни разу не видел платья такого цвета. Материал тоже был незнаком — не шершавый, как шерсть, а мягкий и поблескивающий в лучах солнца. Хотелось протянуть руку и дотронуться до него, но его пальцы наверняка перепачканы сажей и пылью.

Мальчику больше никто не напоминал о том, что нужно вымыть руки.

Охватившая Томми печаль заставила его сурово сдвинуть брови в надежде, что это заставит девочку уйти. Да и какое ему дело до голубых глаз и розового платья, когда мамы нет и больше никогда не будет?

Усилием воли мальчик сдержал обжигающие глаза слезы. Еще ни разу в жизни он не испытывал подобного унижения. Девятилетние мальчики не плачут. А тот факт, что его застала за этим занятием девочка — да не кто-нибудь, а утонченная леди Элизабет, — заставлял его пожелать забраться под валун и умереть.

Однако девочка не обратила внимания на предостережение и опустилась на траву рядом с ним. Томми сидел на берегу извилистой реки, прокладывая себе путь через деревню довольно далеко — как ему казалось — от того места, где развернулись гуляния в честь Дня святого Иоанна Крестителя. Однако даже досюда доносились приглушенные звуки музыки и смеха.

— Почему рыба переплыла реку?

Мальчика настолько ошеломил вопрос, что у него не сразу нашелся ответ.

— Я не знаю.

Девочка улыбнулась, явив его взору широкую щель в том месте, где должны были находиться два передних зуба.

— Потому что не смогла добраться до моря. 9

Едва выговорив последнее слово, девочка при- нялась хихикать. Шутка не показалась Томми смешной, но он не смог не улыбнуться при виде того, насколько довольна собой его новая знакомая.

Когда хихиканье наконец стихло, они несколько минут сидели в удивительно умиротворяющей тишине. Томми почти ничего не знал о маленьких девочках, но ее молчание показалось ему необычным. Ведь младшие сестры его друзей постоянно донимали всех своей болтовней.

Поскольку было лето, Томми не надел ботинки и теперь водил голыми пятками по земле, пока они с Элизабет наблюдали за стремящимся вдаль потоком воды. Остановился он, лишь заметив, что девочка начала копировать его движения и изрядно запачкала нарядные кожаные туфельки.

— Сколько тебе лет? — спросил Томми.

— Шесть. А тебе?

Мальчик гордо выпятил грудь.

— Почти девять.

Девочка сморщила свой крошечный нос, и это показало Томми очень милым.

— Когда день твоего святого? — спросила девочка.

— Двадцать третьего ноября.

Девочка улыбнулась, и Томми вновь смутился. Ведь до этого времени оставалось еще целых пять месяцев.

Элизабет некоторое время молчала, прежде чем спросить:

— Не любишь ярмарки?

Почувствовав, что она мягко пытается вытянуть из него информацию, Томми напрягся и недовольно поджал губы. Ему не хотелось это обсуждать. Он уже собирался прогнать девочку, не обращая внимания на ее высокое положение, и потребовать оставить его в покое, но потом взглянул в ее глаза, и гнев моментально испарился. Она не собиралась совать нос в чужие дела, а просто хотела быть любезной.

10 Томми поднял с земли небольшой плоский камень и бросил в реку. Камень подпрыгнул на поверхности дважды, прежде чем скрыться под толщей воды.

— Моя мама умерла в прошлое воскресенье.

Томми почувствовал на себе взгляд девочки, но не поднял глаз, не желая видеть написанной на ее лице жалости.

— Должно быть, ты очень по ней скучаешь.

Томми кивнул, и его горло снова сжала судорога боли. Он ужасно скучал по матери — красивой, улыбчивой женщине, беззаветно любившей мужа и сына. Но это вовсе не оправдывало его слез.

Должно быть, Элизабет догадалась, о чем он думает. Томми почувствовал легкое прикосновение к своей руке — словно села бабочка и расправила крылья, — и по его телу разлилось странное тепло. На мгновение это напомнило ему о том, как он чувствовал себя в объятиях матери.

— Я никогда не знала своей мамы, но все равно по ней скучаю.

Томми сдвинул брови.

— Ты не знала свою маму?

Девочка покачала головой, и льняные волосы разлились по ее плечам подобно вуали, сотканной из золотых и серебряных нитей.

— Она умерла, когда я появилась на свет.

— Моя мама тоже умерла во время родов. — Томми ненадолго замолчал. — Когда родился мой брат.

Должно быть, Элизабет услышала что-то в голосе мальчика.

— Но он не хотел сделать ей больно, — тихо произнесла она.

Томми ошеломленно втянул носом воздух. Осознав сказанное, он в ужасе посмотрел на девочку.

— Когда я была маленькой, мой брат тоже во всем винил меня. — Взгляд больших голубых глаз Элизабет, казалось, прожигал насквозь. — Но он меня простил.

— Нечего было прощать. Ведь ты ни в чем не виновата. — Томми ответил машинально, но лишь потом осознал, что именно так и думает. Элизабет не была виновата в смерти матери так же, как и не виноват его двухнедельный брат.

Кто-то окликнул Элизабет по имени, и она скорчила гримасу, вновь сморщив нос и недовольно надув губы.

— Нянька... Мне лучше вернуться. Было приятно познакомиться.

— Том, — закончил предложение мальчик. — Но все зовут меня Томми. — Почему-то для него стало очень важно, чтобы новая знакомая не воспринимала его как «маленького».

— А я Элизабет, — произнесла девочка. — Но ты можешь звать меня Эллой, раз уж мы стали добрыми друзьями.

Томми кивнул, постаравшись сдержать улыбку. Она была очень милой, конечно, но девятилетние мальчики не заводят дружбу с шестилетними девочками. Тем более с теми, которые выглядят как принцессы.

Элизабет вскочила столь поспешно, что непременно упала бы в грязь, если бы Томми не подхватил ее под руку.

— Осторожнее, — произнес он, — а не то упадешь и поранишься.

Элла рассмеялась так, словно услышала самую забавную на свете шутку, и побежала к своей няне.

Томми смотрел ей вслед и впервые с того момента, как убитый горем отец сообщил ему о смерти матери, почувствовал, что окутывающая его мрачная туча начала понемногу рассеиваться.

Один месяц спустя

Томми собирался сказать Джоанне, чтобы она поторопилась — уже в который раз, иначе они не успеют присоединиться к остальным, — как услышал знакомый голос:

— Привет, Томми.

12 Обернувшись, мальчик увидел стоящую рядом с ним леди Элизабет. Он заметил, как она прибыла в церковь с остальными членами своей семьи, включая темноволосого юношу, по всей видимости, его ровесника, с недовольным видом направляющегося к остальным.

— Привет, — неуверенно ответил Томми, поймав на себе недоуменные взгляды жителей деревни, явившихся в церковь на воскресную службу. Все они наверняка раздумывали о причине, заставившей маленькую леди заговорить с сыном кузнеца.

— Я Элла, — обратилась девочка к Джоанне, глядевшей на нее так же, как и Томми при первой их встрече.

— Дж... Дж... Джоанна Диксон, — вымолвила наконец Джоанна и, опомнившись, поспешно добавила: — Миледи.

— Ты дочка конюшего?

Джоанна молча кивнула.

Темноволосый мальчик с мрачным выражением лица остановился за спиной Элизабет.

— Что ты делаешь, Элла? Нельзя вот так убегать.

Элизабет вздохнула и попыталась закатить глаза, как взрослая дама.

— Это мой брат Джейми. — Она повернулась к мальчику, который был на дюйм или два выше Томми (при том, что сын кузнеца превосходил своих сверстников по росту и выглядел как мальчишки на два, а то и три года старше). — Я просто хотела поздороваться с Томми и... — она повернулась к новой знакомой, — Джоанной.

Томми перевел взгляд на Джо и озадаченно сдвинул брови. Да что с ней такое? Она тарашилась на юного лорда, словно увидела перед собой рыцаря из тех глупых баллад, которые постоянно пересказывала всем вокруг. Томми нахмурился еще больше, когда понял, что и юный лорд тарашится на Джо с глупым выражением лица.

Томми покровительственно загородил ее собой. Иногда Джоанна превращалась в настоящую головную боль. Как,

например, сегодня. Ведь он как раз собирался 13
пойти купаться с другими мальчиками, когда Джоанна в присутствии своей матери попросила сопроводить ее в церковь. И, поскольку его собственная мать умерла, а мама Джоанны была очень к нему добра, он не смог отказать.

Заметив это движение, Джейми нахмурился и повернулся к сестре.

— Как вы познакомились?

Томми заметно напрягся.

Но Элла посмотрела на него и улыбнулась.

— На ярмарке в прошлом месяце. Томми спас меня от падения в лужу.

Томми облегченно выдохнул, хотя даже не заметил, как затаил дыхание. Хуже того, что леди Элизабет застала его в слезах, может быть только ее рассказ об этом. Они понимающе переглянулись. Элла сохранила его секрет, и теперь между ними установилась прочная связь.

Покачивая головой, Джейми ласково взъерошил волосы сестры.

— Ничего нового, Элла. Тебе не следует так бегать и суетиться, иначе наступит день, когда рядом с тобой никого не окажется, чтобы помочь, и ты поранишься.

Теперь Томми понял, почему Элла рассмеялась в ответ на его предостережение. Очевидно, поскальзывалась и оступалась она довольно часто.

Не обращая внимания на брата, она спросила:

— Куда вы направляетесь?

— К водопаду у озера Арнесаллох, чтобы искупаться с другими деревенскими мальчиками.

— Я попросила его взять меня с собой, — вступила в разговор Джоанна.

— Джейми собирался научить меня ездить верхом на моем новом пони, — сообщила Элла.

Мальчики с сочувствием переглянулись. Очевидно, Томми был не единственным, кому приходилось при-

14 сма­тривать за младшей сестрой, ну или в его случае — почти сестрой. Он знал Джо, сколько себя помнил, и посколь­ку она ему посто­ян­но докучала, он уже давно понял, каково это — иметь сестру.

— Хотите пойти с нами? — спросила Элла. — Вы можете взять своих лошадей, и тогда мы покатаемся вместе.

Повисла неловкая пауза, которую прервала Джо.

— У нас нет лошадей. И мы с Томми не умеем ездить верхом.

На лице Эллы отразилась растерянность.

— У вас нет лошадей? — Она с укоризной посмотрела на брата. — Но ведь ты говорил, что все рыцари должны уметь ездить верхом.

Джейми покачал головой.

— Верно. Но Томми станет не рыцарем, а кузнецом, как и его отец.

Томми удивился тому, что юный лорд знал, кто он такой.

— То есть, ты хочешь сказать, тебе не нужно целыми днями напролет упражняться с деревянными мечами, как это делает Джейми?

Том покачал головой.

— Иногда я наблюдаю за тем, как с ними работает мой отец. Только не с деревянными, а со стальными, — пояснил Томми.

— У меня тоже скоро появится настоящий меч, — хвастливо произнес Джейми, бросив взгляд на Джоанну.

— Может, ты выкуешь для него меч? — спросила у Томми Элла.

Но Томми лишь пожал плечами, не желая признаваться в том, что пока лишь таскает уголь да раздувает мехи.

— Может быть. — Он взял Джоанну за руку, понимая, что ему придется ее тащить. — Идем, Джо. Нам, пожалуй, пора.

Однако девочка не сдвинулась с места и, прежде чем Томми успел ее остановить, спросила у юных Дугласов:

— Хотите пойти с нами?

— Конечно. — Элла ответила так поспешно, что Томми понял: она ждала приглашения. Девочка повернулась к брату, явно не разделявшему ее энтузиазм. — Можем покататься верхом завтра, ведь сегодня так жарко. — Она снова переключила внимание на Джоанну. — Я не умею плавать, а вот у Джейми очень хорошо получается.

— Плавать я тоже не умею, — ответила Джоанна.

— Я бы мог научить тебя, — произнес Джейми.

Услышав это, Элла посмотрела на брата так, словно у него вдруг выросла вторая голова.

— А почему, когда я тебя прошу, ты всегда отвечаешь, что девочкам ни к чему уметь плавать?

Томми с трудом удержался, чтобы не рассмеяться, увидев пунцовые щеки Джейми и выражение его лица, говорившего о том, что это он обсудит с Элизабет позже. Томми в очередной раз порадовался тому, что у него нет сестры.

Но девочки, казалось, не замечали смущения Джейми. Будучи на год старше Эллы, Джоанна уже отточила мастерство закатывания глаз, что и продемонстрировала всей компании.

— Томми отвечает то же самое, когда я прошу его научить меня лазить, — обратилась она к Элле. — Он забирается на скалы возле Сэндфорда вместе с другими деревенскими мальчишками. Но лишь ему одному удалось подняться на Утес Дьявола.

— Правда? — Глаза Эллы заметно округлились, как если бы она вдруг увидела перед собой героя из песни бродячего менестреля.

Может, иметь сестру было бы и неплохо — если Джо дальше собирается отзываться о нем так же лестно.

Джо кивнула, а потом перевела взгляд на Джейми.

— Ты тоже умеешь лазить по скалам?

— Конечно, — ответил Джейми с таким видом, словно ответ был очевиден.